

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ |
INTERDISCIPLINARY STUDIES

Следствие по делам о самоубийствах военнослужащих в 1930—1950-е годы

Шкаревский Д.Н.

Военный университет имени князя Александра Невского (Военный университет), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0981-4791>, e-mail: shkarden@mail.ru

В современных условиях обострения международных конфликтов изучение проблем суицидального поведения военнослужащих становится все более актуальным. В этом вопросе необходимо учитывать имеющийся исторический опыт. На сегодняшний момент комплексные исследования по данной теме отсутствуют. Цель статьи заключается в выявлении характерных черт следствия по делам о самоубийствах военнослужащих в 1930—1950-е гг. Источниковой базой исследования послужили неопубликованные документы центральных и региональных архивов. Автор опирался на междисциплинарный методологический подход, разработанный в трудах П. Соломона. В статье сформулированы следующие выводы. Советское уголовное право предусматривало ответственность за доведение до самоубийства или содействие самоубийству и покушению на него. Данная норма не являлась серьезным сдерживающим фактором суицидального поведения. В 1930—1950-е гг. наблюдалось некоторое улучшение формальных показателей следствия по этим делам. Но его качество оставалось примерно на одном уровне, который вышестоящим руководством оценивался низко. Основными причинами этого являлись отсутствие стимулирования военных следователей и судебной перспективы по этим делам.

Ключевые слова: суицид, суицидальное поведение военнослужащих, криминология, военная юстиция, советская юстиция, профилактика суицида.

Для цитаты: Шкаревский Д.Н. Следствие по делам о самоубийствах военнослужащих в 1930—1950-е годы [Электронный ресурс] // Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 150–160. DOI:10.17759/psylaw.2024140410

The Investigation of Military Suicides in the 1930—1950 s.

Denis N. Shkarevsky

Prince Alexander Nevsky Military University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0981-4791>, e-mail: shkarden@mail.ru

In the current conditions of aggravation of international conflicts, the study of the problems of suicidal behavior of military personnel is becoming more and more relevant. It is necessary to take into account the available historical experience in this matter. To date, there are

no comprehensive studies on this topic. The purpose of the article is to identify the characteristic features of the investigation of suicide cases of servicemen in the 1930s - 1950s. The source base of the study was the unpublished documents of central and regional archives. The author relied on the interdisciplinary methodological approach developed in the works of P. Solomon. The article formulates the following conclusions. The Soviet criminal law provided responsibility for bringing to suicide or assisting suicide and attempted suicide. This norm was not a serious deterrent to suicidal behavior. In the 1930s-1950s there was some improvement in the formal indicators of investigations in these cases. Their quality remained at about the same level, which was evaluated low by higher authorities. The main reasons for this were the lack of incentives for military investigators and the lack of a judicial perspective on these cases.

Keywords: suicide, suicidal behavior of military personnel, criminology, military justice, Soviet justice, suicide prevention.

For citation: Shkarevsky D.N. The Investigation of Military Suicides in the 1930—1950 s. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 150–160. DOI:10.17759/psylaw.2024140410 (In Russ.).

Введение

Современная суицидальная ситуация в РФ отличается неустойчивостью [1; 2; 3]. Это увеличивает актуальность суицидологии. Обычно количество самоубийств среди военнослужащих на фоне военных действий возрастает [18]. Поэтому изучение проблем военной суицидологии на современном этапе стало еще более актуальным.

Основное внимание исследователи уделяют изучению современного состояния суицидальной ситуации. Наиболее популярными направлениями научного поиска являются: ювенальная суицидология [8; 17; 20], самоубийства среди представителей различных социальных и профессиональных групп [4; 10; 11; 15], теоретические аспекты [12; 14; 19], влияние суицида на близких жертвы [5]. Исследования юристов в области суицидологии обладают спецификой. Существуют работы, предлагающие ввести уголовную ответственность за покушение на самоубийство в качестве сдерживающего фактора суицидального поведения военнослужащих [6]. Большинство криминологических работ имеют сходство с исследованиями теоретических аспектов этого явления [9].

Считается, что институционализация суицидологии относится к 1950-м гг. [11, с. 105]. Однако уже в 1930—1940-е гг. органы военной юстиции предпринимали попытки осмысления данного явления. Самостоятельные исследования по заявленной теме отсутствуют. В научной литературе встречаются лишь эпизодические упоминания об этих фактах [7; 13]. Настоящая статья призвана ликвидировать данный пробел. Ее цель состоит в том, чтобы выявить характерные черты следствия по делам о самоубийствах военнослужащих в 1930—1950-е гг. Исследование основано на принципах междисциплинарного подхода, заложенного П. Соломоном [21].

Источниковой базой исследования послужили неопубликованные материалы, хранящиеся в Российском государственном военном архиве (РГВА), Российском государственном архиве военно-морского флота (РГА ВМФ), Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), Объединенном государственном архиве Челябинской области (ОГАЧО), Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга (ЦГА СПб).

Результаты и обсуждение

УК РСФСР в ст. 141 предусматривал ответственность за доведение до самоубийства или содействие (подговор) к самоубийству и покушению на него. УПК РСФСР ввел обязательное следствие по ст. 141 УК. Следствием по этим делам в отношении военнослужащих занимались органы военной прокуратуры.

Статистические сведения о самоубийствах среди военнослужащих отрывочны. По данным Т. Бушуевой, в 1927—1928 гг. уровень самоубийств в РККА составлял 11,5 на 10 тыс. военнослужащих [7, с. 198]. Коэффициент самоубийств военнослужащих в 1930-е гг. отличался неустойчивостью (табл. 1).

Таблица 1

Динамика уровня самоубийств военнослужащих в 1930-е гг.¹

Год	Абсолютное значение	На 10 тыс. человек
1932 г.	588	9,7
1933 г.	554	6,3
1937 г.	782	6,5
1938 г.	832	5,5
1939 г.	1 171	5,8
1940 г.	1 980	6,2

Считается, что увеличение суицидов военнослужащих в 1930-е гг. связано с ростом численности армии. Представляется, что на этот процесс влияли и иные факторы, например чередование политико-правовых кампаний. Так, высокий уровень самоубийств начала 1930-х гг. объясняется проведением политико-правовой кампании против социально-чуждых элементов. Увеличение суицидов в 1937 г. совпадает с началом Большого террора.

О влиянии политико-правовых кампаний на количество самоубийств позволяет судить такой пример. «Красноармеец Л. — комсомолец, отличник учебы, занесенный на доску почета, 7 июня 1939 г. нечаянно забрызгал грязью красноармейца М. Последний вступил с ним в драку. Когда младший командир Е. бросится разнимать дерущихся, то Л. в пылу драки обругал его. Спустя полчаса придя в себя, Л. в разговоре с мл. комвзвода П. осудил свой поступок. Казалось бы, надо было наказать Л. и этим исчерпать инцидент. Но получилось не так. На протяжении 2 дней Л. 7 раз вызывали и “прорабатывали” по поводу совершенного им проступка и командир роты, и политрук, и секретарь комсомольской организации, и другие. Спустя 17 дней, когда Л. уже успокоился, его вызвали на бюро ВЛКСМ, где снова начали прорабатывать его, требуя, чтобы он дал “политическую оценку” своему поступку. Наконец, политрук С. внес предложение об исключении Л. из комсомола. Пока бюро обсуждало какое ему дать взыскание, Л. раздобыл винтовку и застрелился»². Таким образом, придание дисциплинарному проступку политического характера привело к суициду.

Цикличность суицидальной ситуации объясняется и чередой военных конфликтов. Например, в 1939 г. наибольшее количество самоубийств отмечалось в военных округах,

¹ Составлено по: РГА ВМФ. Ф. Р-1570. Оп. 7с. Д. 3496. Л. 30; РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 53. Л. 549-578; РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 888. Л. 152

² РГВА. Ф. 37853. Оп. 1. Д. 117. Л. 70-71

принимавших участие в локальных конфликтах³. В начале 1940-х гг. рост суицидов в 1,5 раза отмечался и на флоте⁴.

Органы военной юстиции неоднократно предпринимали попытки обобщения следственной практики по делам о суицидах военнослужащих. Главным недочетом признавались длительные сроки. Основная масса дел расследовалась в сроки свыше 10 дней.

Качество следствия оценивалось низко. Это объяснялось скромной квалификацией следователей и их нежеланием проводить следствие из-за «отсутствия судебной перспективы» дел. Следователи не проверяли совокупность причин и обстоятельств, приведших к самоубийству, не устанавливали ответственных за создание обстановки, повлекшей самоубийства, не делали «четкие выводы»⁵. Руководство отмечало «поверхностность расследования». Например, по делу о самоубийстве краснофлотца Северного флота К. следователь П. установил, что К. последние дни перед самоубийством нарушал требования воинской дисциплины и заявлял жалобы о болезни. На этом основании П. пришел к выводу о том, что «...К. стремился уклониться от военной службы путем симуляции болезни и неисполнения приказаний, а затем, поняв, что он может быть предан суду, покончил самоубийством. Между тем из материалов дела видно, что К. в прошлом был дисциплинированный боец. <...> Далее из этих материалов видно, что именно в последнее время у К. обострились отношения с женой. Ясно, что следователь подошел к делу односторонне и узко. <...> В результате причина самоубийства К. так и осталась невыясненной».

Главный прокурор ВМФ по поводу качества следствия отмечал: «Военные следователи и военные прокуроры часто забывают специфичность этих дел, заключающуюся в том, что сущность их не в судебной перспективе, а во вскрытии глубоких причин, приведших в данной войсковой части к самой возможности самоубийства. Забывают, что расследование этих дел имеет, в основном, профилактические задачи». Также он указывал, что «...в ряде случаев работники военных прокуратур перегибают... Принято думать, что за военное самоубийство обязательно кто-то должен нести ответственность»⁶.

Выявлению причин суицидов военнослужащих уделялось пристальное внимание. В 1933 г. среди них назывались: классово чуждое происхождение и моральное разложение, засоренность войск, семейные раздоры, пьянство, неустойчивость и неуравновешенность характера, нечуткое и невнимательное отношение, боязнь ответственности⁷. В этот период высокой была доля суицидов среди лиц начсостава. По Морским силам Балтийского моря в 1932 г. 80% суицидов приходилось на начсостав⁸.

В 1935 г. к выявлению мотивов стали подходить более дифференцированно. Так, на флоте основными причинами самоубийств назывались: «психические заболевания» (29,3%), «упаднические настроения на почве ссоры с семьей и ее необеспеченности» (17,6%), «ревность» (11,8%), «половое бессилие» (11,8%), «моральное разложение» (11,8%), «разоблачение принадлежности к социально-чуждым элементам» (5,9%), «неправильная дисциплинарная практика» (5,9%), «симуляция» (5,8%)⁹.

³ РГВА. Ф. 37853. Оп. 1. Д. 117. Л. 67

⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-2153. Оп. 1с. Д. 8. Л. 6

⁵ РГВА. Ф. 37853. Оп. 1. Д. 117. Л. 101.

⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-1570. Оп. 7с. Д. 3475. Л. 77-81

⁷ ОГАЧО. Ф. Р-1317. Оп. 21. Д. 1. Л. 1

⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-1570. Оп. 7с. Д. 3491. Л. 11

⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-1570. Оп. 7с. Д. 3496. Л. 27об.-29об.

К 1940 г. выявленные причины самоубийств в РККА серьезно изменились (таблица 2). Среди самоубийц представители среднего, старшего и высшего начсостава составляли 30%, младшего начсостава 16,2%, рядового — 53,8%. Среди военнослужащих, покончивших самоубийством, члены и кандидаты в члены ВКП (б) составляли 12,3%, члены ВЛКСМ — 30,4%¹⁰.

Таблица 2

Причины самоубийств в РККА¹¹ (1940 г.)

Боязнь ответственности	17,2%
Болезнь	13,8%
Протест против воинской дисциплины	10,7%
Морально-бытовое разложение	8,2%
Семейные неурядицы	5,2%
Незаконные действия начальников и нечуткое отношение	3,7%

Основная масса уголовных дел по фактам суицида прекращалась. К ответственности по ст. 141 УК представители комначсостава не привлекались.

Обсуждение проблем суицидов военным руководством в ходе заседаний военных советов демонстрирует отсутствие системного комплексного подхода к изучению данного явления. Командование оперировало отдельными фактами и рассматривало их как результат недостатков в воспитательной и политической работе; стремление уклониться от несения военной службы¹².

В марте 1941 г. Прокурор СССР В. Бочков выделял следующие недостатки по делам о самоубийствах в РККА: «1. В значительном количестве случаев, лица привлеченные к ответственности за преступления и серьезные проступки, не отстранялись от несения караульной службы... 2. Зарегистрирован ряд фактов, когда причиной самоубийства являлся перегиб в “проработке” провинившегося... 3. В отдельных случаях толкали на самоубийство явно незаконные действия начальников. Сюда, например, можно отнести провокационные методы проверки бдительности часовых... 4. К молодым ... командирам предъявлялись со стороны командования повышенные требования... 5. Зарегистрированы десятки случаев бездушного отношения отдельных командиров и врачей к больным красноармейцам... 6. В ряде случаев самоубийства совершались военнослужащими в состоянии пьяного раздражения... 7. Одной из причин многочисленных случаев самоубийства среднего начальствующего состава является бытовое разложение. Подчас на самоубийство толкает половая распущенность, запутанность в связях с несколькими женщинами»¹³.

В период Великой Отечественной войны борьба с суицидами в армии оставалась актуальной. Судить о распространенности данного явления не представляется возможным ввиду секретности статистики. Можно предположить, что вследствие изменившихся условий выросло и количество самоубийств.

Сроки следствия по этим делам стали признаваться удовлетворительными. Но качество следствия оценивалось как оставляющее «желать лучшего». Военные следователи не проверяли все версии (самоубийство, убийство, несчастный случай), не устанавливали причины,

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 888. Л. 152

¹¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 888. Л. 152, РГВА. Ф. 37853. Оп. 1. Д. 117. Л. 66

¹² РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 53. Л. 590-597, Л. 628-633

¹³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 889. Л. 156

мотивы. Это связывалось с тем, что «...большинство военных следователей... смотрят на следствие... как на необходимую формальность». Осмотр мест происшествия производился «нецелеустремленно, поверхностно»¹⁴.

Анализ причин этих преступлений производился традиционно. Например, выделялись следующие: «боязнь ответственности», «морально-бытовое разложение», «ревность к женщине», «нервно-психические заболевания», «оскорбление и неосновательное подозрение со стороны начальника»¹⁵. Выделялись и региональные причины. Например, в Ленинграде: «малодушие в борьбе с переживаемыми трудностями в условиях блокады»¹⁶.

В качестве примера можно привести дело лейтенанта 103-го погранполка М., который свел счеты с жизнью 21.07.1944 г. в п. Нижние Оселки выстрелом из пистолета «ТТ» в голову. «Произведенным по данному делу следствием установлено, что лейтенант М. в конце июля 1944 г., будучи в г. Выборге, при выполнении оперативного задания имел намерение присвоить себе трофейный велосипед и другие вещи. С 6 по 20.07.1944 г. М. был прикомандирован для усиления работы в стрелковом взводе, где часто появлялся в нетрезвом виде, систематически вращался среди малоизвестных ему женщин. 15.07.1944 г. привел не знакомых ему женщин в расположение взвода, которых оставил у себя ночевать. 20.07.1944 г. л-т М. получил приказ принять пулеметный взвод и нести службу на КПП. В этот день М. явился на КПП в нетрезвом состоянии, где в присутствии окружающих его людей выражался нецензурными словами. В тот же день М. познакомился с гр-кой Д., проживавшей в п. Нижние Оселки, был у нее на квартире, предлагал ей сожительство с ним и грозил пистолетом, предупреждая, если она будет жить с кем-либо другим, то он ее застрелит. Лейтенант М. из имеющегося у него пистолета “ТТ” неоднократно открывал стрельбу по крысам. 21.07.1944 г. днем М., переходя дорогу в расположении взвода, увидел крысу, тут же вынул пистолет из кобуры, взвел курок и погнался за ней, но крыса скрылась в траве. Последний, не спуская курка, пистолет положил в кобуру. После этого М. и командир пулеметного взвода ст. л-т Л. пошли завтракать, где выпили по 100 гр. спирта. Когда М. выпил спирт, то поцеловал дно кружки и, обращаясь к Л., сказал: “Ну теперь встретимся на том свете и выпьем”. Ст. лейтенант Л. какого-либо значения этим словам М. не придавал. После завтрака М., оставшись у кухни, где с группой бойцов взвода шутил, в процессе шуток вынул из кобуры пистолет и со словами “вот моя мать, отец, брат и Маруся” выстрелил себе в голову». Таким образом, следствие по этим делам превращалось просто в реконструкцию и описание событий, предшествовавших самоубийству.

В послевоенный период ситуация с суицидами в вооруженных силах продолжала беспокоить руководство. В первые послевоенные годы среди самоубийц отмечалась высокая доля офицерского состава (44,4%), членов ВКП(б) и ВЛКСМ (55,5%)¹⁷. Следственная практика демонстрировала, что в 1950 г. среди самоубийц преобладали рядовые солдаты в возрасте 21—23 лет. Среди основных причин самоубийств и покушений на самоубийство традиционно преобладали: боязнь ответственности за совершенные преступления, «романическая почва», «в связи с различными заболеваниями», «по причине отказа в приеме в кандидаты ВКП(б)», «нежелание служить в Советской Армии», морально-бытовое разложение. Военные прокуроры требовали от командования отказаться от практики запугивания преданием

¹⁴ ЦГА СПб. Ф. 9261. Оп. 2. Д. 23. Л. 24об.

¹⁵ ЦГА СПб. Ф. 9260. Оп. 1. Д. 26. Л. 151, 179

¹⁶ ЦГА СПб. Ф. 9260. Оп. 1. Д. 9. Л. 115

¹⁷ ЦГА СПб. Ф. 9262. Оп. 1. Д. 25. Л. 22-29

суду трибунала подчиненных и внимательнее относиться к жалобам солдат на состояние здоровья¹⁸.

Качество следствия продолжало критиковаться. Например, 11.02.1952 г. военный прокурор К. заявил: «Эти дела расследуются плохо, военные следователи, а также их помощники не умеют их расследовать»¹⁹. По-прежнему отмечалась масса недостатков следствия. Например, «необоснованное переложение расследования дел о самоубийствах на органы дознания». Военные следователи этими делами «не интересовались и на места происшествий не выезжали». Более половины дел расследовалась дознавателями. По-прежнему отмечался неумелый осмотр места происшествия. Сохранялись неточные и неясные формулировки вопросов при назначении экспертизы. Делались необоснованные выводы²⁰.

В сентябре 1949 г. Главный Военный Прокурор в директиве № с/001225 отметил, что «...военные следователи и прокуроры выявление причин и мотивов самоубийств сводили только к изучению личности самоубийц», оставляли в стороне выяснение обстановки и условий, порождающих эти явления. В результате «...лица, виновные в бездушно-бюрократическом отношении к людям... оставались безнаказанными».

Главный военный прокурор требовал исправить ситуацию. Но военные следователи и прокуроры «...не принимали мер к обеспечению полноты и всесторонности расследования». В качестве примера можно привести дело о самоубийстве слушателя Сартовальской школы усовершенствования офицерского состава войск МГБ капитана П., который застрелился 7.09.1950 г. в комнате культпросветработы школы из пистолета «ТТ». С 7 по 13.09.1950 г., не возбуждая дела, расследование производил ст. следователь контрразведки, а 18.09.1950 г. эти материалы были направлены к ВП в/МВД КФ ССР. Почти через месяц, 13.10. 1950 г. военный следователь ВП лейтенант Х. вынес постановление о возбуждении дела и принятии его к своему производству, указав в нем, что мотивы самоубийства не известны и необходимо произвести расследование. После этого он продержал это дело у себя в течение 3 суток и, не производя никаких следственных действий, прекратил его 15.10. 1950 г., записав в постановлении следующий вывод: «На основании собранного материала по делу установлено, что мотивами к самоубийству капитана П. явились ряд болезней, которыми он болел, в силу чего он пришел к МНИМОМУ убеждению, что не сможет сдать экзамены и не может быть СПОСОБНЫМ В СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ»²¹.

Информационные письма Главной военной прокуратуры в 1952 и 1953 гг. констатировали отсутствие положительных изменений по этим делам²².

Выводы

Изучение исторического опыта борьбы с суицидами может предотвратить повторение ошибок прошлого. Советский опыт показывает, что наличие нормы об уголовной ответственности является весьма слабым сдерживающим фактором суицидального поведения военнослужащих.

Анализ динамики самоубийств демонстрирует влияние внутривойсковых (проведение политико-правовых кампаний) и внешнеполитических (объявление военных действий) факторов на это явление.

¹⁸ ЦГА СПб. Ф. 9261. Оп. 2. Д. 56. Л. 44

¹⁹ ЦГА СПб. Ф. 9261. Оп. 2. Д. 70. Л. 6

²⁰ ОГАЧО. Ф. Р-1317. Оп. 21. Д. 146. Л. 147

²¹ ЦГА СПб. Ф. 9261. Оп. 2. Д. 63. Л. 41-44

²² ОГАЧО. Ф. Р-1317. Оп. 23. Д. 224. Л. 20

Следствие по делам о суицидах военнослужащих в 1930—1950-е гг. оставалось примерно на одном уровне. Основными причинами этого являлись низкий уровень подготовки военных следователей и отсутствие у них стимулов для качественного проведения следствия. Данная категория дел ими оценивалась как «не перспективная». Соответственно следствие по ним проводилось поверхностно. Его основная цель состояла в прекращении уголовного дела, а не в выявлении основных причин, мотивов и факторов суицида.

Литература

1. Аминов И. Самоубийства и их профилактика в России, 2018 год: основные факты [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2019/0823/suicide.php> (дата обращения: 14.04.2024).
2. Аминов И. Самоубийства и их профилактика в России, 2019 год: основные факты [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2020/0869/suicide.php> (дата обращения: 14.04.2024).
3. Аминов И. Самоубийства и их профилактика в Российской Федерации, 2021 год: основные факты [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2021/0911/suicide.php> (дата обращения: 14.04.2024).
4. Борисов Л. Суицид в уголовно-исполнительной системе: проблема или миф? // Преступление и наказание. 2007. № 10. С. 10–11.
5. Борисоник Е.В., Любов Е.Б. Клинико-психологические последствия суицида для семьи жертвы [Электронный ресурс] // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Том 24. № 3. С. 25–41. doi:10.17759/cpp.2016240303
6. Брусенцов С.Г., Лоба В.Е. Проблема суицида в российской армии: история, причины, методы предотвращения // Военная мысль. 2013. № 7. С. 37–44.
7. Бушуева Т.С. Общественные настроения в Красной Армии 1920—1934 гг. М.: МПГУ, 2020. 444 с.
8. Вихристюк О.В. Влияние средств массовой информации на суицидальное поведение подростков и молодежи (обзор зарубежных источников) [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2013. № 1. С. 100–108. URL: https://psyjournals.ru/journals/jmfp/archive/2013_n1/58059 (дата обращения: 12.04.2024).
9. Гилинский Я.И., Румянцева Г.А. Основные тенденции динамики самоубийств в России // Петербургская социология. 1997. № 1. С. 60–77.
10. Дебольский М.Г., Матвеева И.А. Суицидальное поведение осужденных, подозреваемых и обвиняемых в местах лишения свободы [Электронный ресурс] // Психология и право. 2013. Том 3. № 3. С. 1–12. URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2013_n3/63783 (дата обращения: 12.04.2024).
11. Дюндик Ю.Н. Правовые и педагогические аспекты военной суицидологии // Право и образование. 2005. № 1. С. 105–121.
12. Ефремов В.С. Основы суицидологии. СПб: Диалект, 2004. 480 с.
13. Жарков В.В. РККА в 30-е гг. XX века: проблемы воинской дисциплины // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 1. С. 240–245.
14. Журавлева Т.В. Суицид — осознанный выбор смерти: философские и психологические аспекты проблемы [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Том 8. № 2. С. 35–49. doi:10.17759/psylaw.2018080203

15. Казберов П.Н. Проявления суицидов среди личного состава // Преступление и наказание. 2013. № 8. С. 6–7.
16. Корсаков К.В. Суицид в фокусе криминологической науки [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 108–119. doi:10.17759/psylaw.2020100308
17. Пичиков А.А., Попов Ю.В. Проблемы профилактики суицидального поведения у подростков: нарративный обзор литературы [Электронный ресурс] // Consortium Psychiatricum. 2022. Том 3. № 2. С. 5–13. doi:10.17816/CP166
18. Розанов В.А. Самоубийства в вооруженных силах — суицидологический анализ [Электронный ресурс] // Суицидология. 2020. Том 11. № 4 (41). С. 56–75. doi:10.32878/suiciderus.20-11-04(41)-56-75
19. Сафуанов Ф.С., Сочивко О.И. Психологическая оценка суицидального риска: соотношение про- и антисуицидальных личностных факторов [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 4. С. 211–224. doi:10.17759/psylaw.2019090415
20. Сенкевич Л.В., Донцов Д.А., Донцова М.В., Сокуренок М.Б., Павлова А.В., Пятаков Е.О. Представления о поведении в критических ситуациях в качестве суицидального фактора в юности [Электронный ресурс] // Вестник практической психологии образования. 2015. Том 12. № 3. С. 33–41. URL: https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2015_n3/Senkevich_Dontsov_et_al (дата обращения: 12.04.2024).
21. Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М.: РОССПЭН, 2008. 464 с.

References

1. Aminov I. Samoubiistva i ikh profilaktika v Rossii, 2018 god: osnovnye fakty [Elektronnyi resurs]. *Demoskop Weekly*. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2019/0823/suicide.php> (Accessed 14.04.2024). (In Russ.).
2. Aminov I. Samoubiistva i ikh profilaktika v Rossii, 2019 god: osnovnye fakty [Elektronnyi resurs]. *Demoskop Weekly*. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2020/0869/suicide.php> (Accessed 14.04.2024). (In Russ.).
3. Aminov I. Samoubiistva i ikh profilaktika v Rossiiskoi Federatsii, 2021 god: osnovnye fakty [Elektronnyi resurs]. *Demoskop Weekly*. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2021/0911/suicide.php> (Accessed 14.04.2024). (In Russ.).
4. Borisov L. Suitsid v ugolovno-ispolnitel'noi sisteme: problema ili mif? *Prestuplenie i nakazanie = Crime and Punishment*, 2007, no. 10, pp. 10–11. (In Russ.).
5. Borisonik E.V., Lyubov E.B. Kliniko-psikhologicheskie posledstviya suitsida dlya sem'i zhertvy [Clinical and psychological consequences for the families of suicide victim] [Elektronnyi resurs]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2016. Vol. 24, no. 3, pp. 25–41. doi:10.17759/cpp.2016240303 (In Russ., abstr. in Engl.).
6. Brusentsov S.G., Loba V.E. Problema suitsida v rossiiskoi armii: istoriya, prichiny, metody predotvrashcheniya. *Voennaya mysl' = Military Thought*, 2013, no. 7, pp. 37–44. (In Russ.).
7. Bushueva T.S. Obshchestvennye nastroyeniya v Krasnoi Armii 1920—1934 gg. Moscow: MPGU Publ., 2020. 444 p. (In Russ.).
8. Vikhristyuk O.V. Vliyanie sredstv massovoi informatsii na suitsidal'noe povedenie podrostkov i molodezhi (obzor zarubezhnykh istochnikov) [Impact of Mass-media information on suicidal behavior of adolescents and youths (review of foreign sources)] [Elektronnyi resurs]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2013. Vol. 2, no. 1, pp. 100–108. URL: https://psyjournals.ru/journals/jmfp/archive/2013_n1/58059 (Accessed 12.04.2024) (In Russ., abstr. in Engl.).

9. Gilinskiy Ya.I., Rumyantseva G.A. Osnovnye tendentsii dinamiki samoubiistv v Rossii. *Peterburgskaya sotsiologiya = Peterburgskaya Sotsiologiya*, 1997, no. 1, pp. 60–77. (In Russ.).
10. Debolsky M.G., Matveeva I.A. Suitsidal'noe povedenie osuzhdennykh, podozrevaemykh i obvinyaemykh v mestakh lisheniya svobody [Suicidal behavior of convicted, suspects and accused in penitentiary institutions] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2013. Vol. 3, no. 3, pp. 1–12. URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2013_n3/63783 (Accessed 12.04.2024). (In Russ., abstr. in Engl.).
11. Dyundik Yu.N. Pravovye i pedagogicheskie aspekty voennoi suitsidologii. *Pravo i obrazovanie = Law and Education*, 2005, no. 1, pp. 105–121. (In Russ.).
12. Efremov V.S. Osnovy suitsidologii. Saint Petersburg: Dialekt, 2004. 480 p. (In Russ.).
13. Zharkov V.V. RKKa v 30-e gg. XX veka: problemy voinskoj distsipliny [The Red Army in the 30-s of the XX-th Century: Problems of Military Discipline]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2010, no. 1, pp. 240–245. (In Russ., abstr. in Engl.).
14. Zhuravleva T.V. Suitsid — osoznanniy vybor smerti: filosofskie i psikhologicheskie aspekty problem [Suicide — the conscious choice of death: the philosophical and psychological aspects of the problem] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2018. Vol. 8, no. 2, pp. 35–49. doi:10.17759/psylaw.2018080203 (In Russ., abstr. in Engl.).
15. Kazberov P.N. Proyavleniya suitsidov sredi lichnogo sostava. *Prestuplenie i nakazanie = Crime and Punishment*, 2013, no. 8, pp. 6–7. (In Russ.).
16. Korsakov K.V. Suitsid v fokuse kriminologicheskoi nauki [Suicide in the Focus of Criminology] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 108–119. doi:10.17759/psylaw.2020100308 (In Russ., abstr. in Engl.).
17. Pichikov A.A., Popov Yu.V. Problemy profilaktiki suitsidal'nogo povedeniya u podrostkov: narrativnyi obzor literatury [Problems with Suicidal Behavior Prevention in Adolescents: a Narrative Literature Review] [Elektronnyi resurs]. *Consortium Psychiatricum*, 2022. Vol. 3, no. 2, pp. 5–13. doi:10.17816/CP166 (In Engl., abstr. in Russ.).
18. Rozanov V.A. Samoubiistva v vooruzhennykh silakh — suitsidologicheskii analiz [Suicides in the armed forces - a suicidological analysis] [Elektronnyi resurs]. *Suitsidologiya = Suicidology*, 2020. Vol. 11, no. 4 (41), pp. 56–75. doi:10.32878/suiciderus.20-11-04(41)-56-75 (In Russ., abstr. in Engl.).
19. Safuanov F.S., Sochivko O.I. Psikhologicheskaya otsenka suitsidal'nogo riska: sootnoshenie pro- i antisuitsidal'nykh lichnostnykh faktorov [Psychological Assessment of Suicidal Risk: the Ratio of Pro- and Anti-Suicidal Personality Factors] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2019. Vol. 9, no. 4, pp. 211–224. doi:10.17759/psylaw.2019090415 (In Russ., abstr. in Engl.).
20. Senkevich L.V., Dontsov D.A., Dontsova M.V., Sokurenko M.B., Pavlova A.V., Pyatakov E.O. Predstavleniya o povedenii v kriticheskikh situatsiyakh v kachestve suitsidal'nogo faktora v yunosti [Elektronnyi resurs]. *Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya = Bulletin of Practical Psychology of Education*, 2015. Vol. 12, no. 3, pp. 33–41. URL: https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2015_n3/Senkevich_Dontsov_et_al (Accessed 12.04.2024). (In Russ.).
21. Solomon P. Sovetskaya yustitsiya pri Staline. Moscow: ROSSPEN, 2008. 464 p. (In Russ.).

Шкаревский Д.Н.
Следствие по делам о самоубийствах
военнослужащих в 1930—1950-е годы
Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 150–160

Shkarevsky D.N.
The Investigation of Military
Suicides in the 1930—1950 s.
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 150–160

Информация об авторах

Шкаревский Денис Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, старший преподаватель, 53 кафедра (ментальной безопасности), Военный университет имени князя Александра Невского (Военный университет), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0981-4791>, e-mail: shkarden@mail.ru

Information about the authors

Denis N. Shkarevsky, PhD in History, Docent, Senior Lecturer, Department 53 (Mental Security), Prince Alexander Nevsky Military University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0981-4791>, e-mail: shkarden@mail.ru

Получена 15.04.2024
Принята в печать 04.08.2024

Received 15.04.2024
Accepted 04.08.2024